Русский Гуманитарный Интернет Университет

Библиотека

Учебной и научной литературы

WWW.I-U.RU

И.А. Шмерлина

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент факультета социальных наук Нижегородского государственного университета.
Адрес:
603000 Нижний Новгород, пер. Университетский, 7, учебный корпус N 12.
Телефон:
(8312) 33-83-49.
Электронная почта:
shia8@uic.nnov.ru

СОЦИОЛОГИЯ И ЭТОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

Разделение наук о природе и наук о культуре и, соответственно, метода понимания и метода объяснения предопределило доминирующую тенденцию в тематическом репертуаре теоретической социологии XX века. Культурный (и лингвистический) поворот диктует образец социального исследования как работы исключительно с ценностными (внеприродными) конструктами. Вероятно, этот поворот в немалой степени повлиял и на отделение социологической теории от эмпирических и экспериментальных исследований. То обстоятельство, что человек имеет телесную природу и отчасти принадлежит виду высших приматов, само по себе не отрицается, но радикальным образом выводится за рамки предмета социологического анализа. Идея "социального конструирования тела", казалось бы, окончательно избавляет социологию от биологических и популяционных пережитков, присущих социальным учениям XIX века. Эта тенденция получает дополнительное и исключительно убедительное обоснование в принятой интеллектуальным сообществом установке на недопустимость биологических, расово-антропологических и евгенических интерпретаций социального поведения, в том числе наследования некоторых личностных качеств. В начале XX века евгенические исследовательские программы получили широкое распространение в науковедении, педагогике, криминологии. Однако в 1930-е годы они исчезают из публичного обсуждения не только в России (где был отвергнут предложенный Г. Меллером проект практической реализации евгенической программы [1]), но и в европейских странах. Когда впоследствии руководитель Британского евгенического общества К. Блэкер попытался вновь привлечь внимание к деятельности общества, ему пришлось сделать

все возможное, чтобы отграничить проблемы научного исследования наследственности от вопросов государственного контроля [2, с. 27]. Сегодня пишут, что социобиолог Э. Уилсон находится на вершине славы, но два десятилетия назад коллеги из Гарварда поносили его как расиста, и пятнадцать видных ученых обвинили его в поддержке того генетического детерминизма, который привел к газовым камерам в нацистской Германии [3, p. 50]. Таким образом, проблематика социальной этологии и социобиологии имеет кроме чисто научной и чисто политическую сторону. Тем не менее, биологические и другие "позитивистские" объяснения структуры и динамики человеческих сообществ продолжают развиваться. Разумеется, речь идет не о реабилитации биологического редукционизма и расово-антропологических доктрин, а о проблематизации самой границы между "природой" и "культурой" и обнаружении в образцах культуры (если это возможно) поведенческих универсалий.

Этология человека в отличие от общей и сравнительной этологии изучающих поведение животных, ставит своей задачей исследование природных факторов человеческого поведения, культурно-биологической преемственности и генетических программ, эволюции форм культуры из поведенческих универсалий. Во вступительной речи на симпозиуме, посвященном памяти основателей этологии человека Нико Тинбергена и Конрада Лоренца, П. Смит выделил три этапа развития этологических идей: классическая этология (1930–1950 гг.), современная этология (1960–1970 гг.) и социобиология (с 1980-х годов) [4, p. 190]. Хотя классическая этология интересовалась в первую очередь поведением животных, идея об универсальных биологических механизмах, лежащих в основе поведения, имеет принципиальное значение для всех этапов этологии. Проблематика современных социально-этологических исследований сформировалась в конце 1960-х годов, когда было проведено значительное число экспериментов, направленных на установление поведенческих детерминант. В частности, Н. Джонс, аспирант Тинбергена, описал ряд характерных выражений лица, агрессивных и защитных поз и других поведенческих паттернов детской игры-драки (*rough-and-tumble play*). Монография "Этологические исследования детского поведения" (1972 г.) оказала значительное влияние на социальные и психологические науки. В 1967 г. ученик К. Лоренца И. Эйбл-Эйбесфельдт опубликовал статью "Этологические концепции и их значение в изучении человеческого поведения". Самостоятельный раздел книги И. Эйбл-Эйбесфельдта "Этология — биология поведения" посвящается анализу человеческого поведения. В этом же году выходит получившая широкую известность книга Д. Морриса "Голая обезьяна".

В 1970-е годы этология человека получает институциональное оформление. В Германии создан Институт этологии человека, с этого времени регулярно проводятся международные конференции, выпускается информационный бюллетень, выходит журнал "Этология и социобиология". Для социальной этологии особенно важное значение имеют опубликованные в 1970-е годы книги К. и С. Дж. Хатт "Прямое

наблюдение и измерение поведения" В.С. Макгрю "Этологическое изучение детского поведения". Этологическая проблематика расширяет сферу своего влияния на социологию и психологию. Лекция Н. Тинбергена 1972 г. была посвящена взаимодействию функциональной этологии и наук о человеке [5], а его нобелевская речь озаглавлена "Этология и болезни стресса" (1973 г.). Вклад в социальную этологию К. Лоренца связан с его книгами "Оборотная сторона зеркала" (1973 г.) и "Восемь смертных грехов цивилизованного человечества" (1974 г.), а также с более ранней работой "Так называемое зло. К естественной истории агрессии" (1963 г.).

В монографии Д. Фридмена "Социобиология человека: целостный подход" [6]содержатся описания нескольких десятков социобиологических исследований, проведенных с 1968 по 1977 год. Термины "этологический" и "социобиологический" употребляются Фридменом как синонимы: речь идет о формах поведения, имеющих отчетливую биологическую подоплеку. Среди поведенческих переменных в социоэтологических исследованиях основное внимание уделяется сексуальности, в том числе половым различиям в предпочтениях, установках, способностях и т. д. Так, в исследовании Л. Лоуренса экспериментально проверяются выводы Э. Эриксона о половых различиях в пространственных ментальных образах у детей и подростков [6, p. 170–171].М. Лонгом установлены интеллектуальные и эмоциональные проявления полового диморфизма в познавательных способностях [6, p. 171], Г. Пост продемонстрировал особенности чувства юмора у мужчин и женщин [6, p. 195].

Особенно заметное направление в этологических исследованиях — невербальная коммуникация. Сформулированные И. Эйбл-Эйбесфельдтом идеи получили развитие в исследованиях половой и статусной дифференциации, проведенных М. Бером, К. Вольф, Дж Диксоном, С. Бикман [6, p. 174-180]. Примечательно, что в исследованиях социального доминирования, связанных с контролем гендерных различий, доказывается подчиненное положение женщины. В качестве индикаторов поведения используются такие специфические этологические переменные, как улыбка и визуальный контакт. Например, проект Ш. Роуз "Сексуально-зависимые статусные различия в улыбке" базируется на интерпретации улыбки как "умиротворяющего" поведения [6, p. 177]. Ш. Роуз показала, что "улыбчивое поведение" чаще демонстрируется женщинами, поскольку они воспринимаются окружающими как занимающие более низкое статусное положение, нежели мужчины, и ведут себя соответствующим образом. Исследователь регистрировала поведение 382 мужчин и женщин на улице, в районе Чикагского университета, причем объект наблюдения находился в большой группе людей, но не был вовлечен в беседу. Аналогичные данные были получены Дж Маклином [6, p. 177–178]. Хотя связь между эмпирическими индикаторами "улыбчивости" и статуса вполне убедительна, интерпретация "улыбчивости" как поведения, предупреждающего конфронтацию с высокостатусным индивидом, требует теоретического обоснования, поскольку "улыбчивость" и "подчиненное положение" — не эквивалентные переменные. Несколько иная трактовка зависимости между полом и доминированием представлена в

исследовании Р. Паркера "Социальная иерархия в группах ровесников одного пола" [6, p. 195–196]. Сравнивая стратификационные различия в однополых и разнополых группах, автор приходит к выводу о целесообразности раздельного обучения девочек и мальчиков, поскольку "чисто женские, а не смешанные образовательные учреждения воспитывают более уверенных в себе и активных женщин" [6, p. 196]. Паркер интерпретирует эти результаты как подтверждающие вариабельность поведения в различных экологических контекстах [там же].

Другое направление связано с анализом влияния внешнего облика на социальные отношения. В ряде проектов, представленных Фридменом, рассматриваются такие аспекты внешности, как привлекательность лица и тела, рост, цвет волос, характер прически, борода и волосатая грудь мужчины, тон мужского голоса и размер женской груди. В исследовании, посвященном изучению социального эффекта светлых волос [6, p. 207–208], показывается, что светловолосые мужчины чаще воспринимаются более молодыми, положительными (дословно — "обладающими ангельскими качествами" — angelic qualities) и носителями более низкого статуса, чем темноволосые. Объяснение этих эффектов автор видит в том, что по естественно-биологическим причинам светлые волосы более распространены среди женщин и детей (темный цвет, очевидно, связан с более высоким уровнем тестостерона).

Распространенным объектом этологических исследований являются дети. Дети, особенно испытуемые младенческого возраста — исключительно удобный материал для поиска врожденных (докультурных) поведенческих универсалий. Выводы этологов и социобиологов считаются здесь наиболее валидными. Сам Фридмен специализируется именно в социальной этологии детства. Проект, который он подробно описывает в основной части книги, связан с анализом этнических различий в поведении новорожденных. Исследователи наблюдали младенцев разного этнического происхождения с целью зафиксировать докультурные различия в их поведенческих реакциях. Такие различия были действительно обнаружены, при этом особенно ярко они проявлялись у китайцев и европейцев: "Китайские и европейские дети представляют собой как бы две разные породы. Европейские дети быстрее начинают плакать, и если начнут плакать, успокоить их бывает труднее. Китайские дети принимают почти любую позу, в которую их положили; например, когда их укладывали в кроватку лицом вниз, они "зарывались" в простыни, а не пытались повернуться на бок, как делали европейцы. В другом опыте (связанном с контролем "защитной реакции") детям при помощи куска ткани зажимали нос так, что они были вынуждены дышать ртом. Большинство европейских и чернокожих детей сопротивляются этой манипуляции, немедленно отворачиваются или бьют рукой по ткани. В западных учебниках по педиатрии это описывается как нормальная, ожидаемая реакция. Однако китайские дети просто лежат на спине, дышат ртом, "принимая" повязку на рту без борьбы" [6, p. 146].

Социобиологическая тематика раннего детства ориентирована также на изучение естественных реакций младенцев на различные раздражители: величину зрачка постороннего человека (Дж. Бэа [6, p. 202], возраст незнакомца, приближающегося к ребенку (Дж. Лейзер [6, p. 198]). Многие социобиологические исследования достаточно тривиальны в своей "натурности". Например, если назвать женскую грудь этологическим термином "социальный релизер" [6, p. 207], это мало что добавит к обыденному представлению о сексапильности. В обзоре Фридмена содержатся сведения и о весьма экзотических исследованиях, например, о проекте Р. Кьюби, в котором анализируется связь между маскулинными качествами политика и его шансами на занятие президентского кресла. Показано, что в семьях президентов США рождалось больше мужчин (80), чем женщин (55); наибольшее число сыновей родились у президентов США в 1853–1881 гг. Из пяти бородатых президентов США четверо были на своих постах именно в этот период и произвели на свет наибольшее число сыновей. Собрав данные о всех президентах США, Кьюби показал, что бородатые президенты имели значительно больше сыновей, чем президенты, не носившие бород [6, p. 204]. Трудно судить о надежности такого рода данных, но их экзотичность не может препятствовать анализу влияния маскулинных характеристик на достижение высокого политического статуса. Р. Кьюби полагает, что во времена, предшествовавшие эпохе "масс-медиа", доступ к власти в значительной степени определялся внешними атрибутами угрозы (threat display) и доминирования. Мужское потомство и борода могли играть важную роль в достижении публичного успеха.

Психологические характеристики не отделяются в рассматриваемой исследовательской традиции от надыиндивидуальных социальных фактов. Следуя социобиологическим методологическим установкам, некоторые специалисты предлагают объяснения феноменов альтруизма и семейной морали. Так, И. Себастьян рассматривает связь локуса моральных оценок с родственным/неродственным характером отношений. Она ставит вопрос о различии двух моральных кодов: для родственников и для чужих людей [6, p. 208]. Тридцать три старшеклассника должны были вынести суждение о возможности социально неодобряемого поступка (воровства лекарства) для спасения жизни человека. В гипотетической ситуации дилемма решалась по-разному в зависимости от того, чья жизнь находилась под угрозой, — дочери воображаемого персонажа "Хейнца", его друга или родного брата. Обосновывая моральный выбор в случае родственных отношений, испытуемые рассматривали в качестве основной проблемы спасение жизни, а в случае неродственных отношений в фокус внимания ставилась этическая проблема воровства. Очевидно, локус морального оценивания вполне поддается эмпирической проверке, и многие исследования показывают независимость альтруистического поведения от родственных/неродственных связей. В частности, П. Левен установлено, что альтруистическое поведение (трактуемое в ее эксперименте как готовность оказать или принять помощь в виде денег или затраченного времени) не имеет выраженной связи с родственными отношениями [6, p. 208 - 209].

Следует ли использовать этологические переменные только для анализа индивидуального поведения или они могут служить основой для объяснения некоторых особенностей социальной структуры? Каковы возможности биологической "интервенции" в социальную теорию? Это круг проблем рассматривается в книге Р. Хайнда "Индивидуумы, взаимоотношения и культура: Связующие звенья этологии и социальных наук" [7], а также статье Дж. Хогенсона "Основы этологической теории политического мифа и ритуала" [8]. С помощью этологических переменных получены интересные и надежные результаты в области психологии и психиатрии, однако "работоспособность" этологических подходов на надындивидуальном уровне остается проблематичной. Собственно говоря, этот вопрос является вопросом о том, как возможна сама социальная этология. Р. Хайнд говорит в данной связи об аналитическом уровне, на котором следует искать параллели между животными и человеческим видами [7, p. 9].

"Легитимация" биологической "интервенции" в социологию может быть осуществлена двумя способами. Первый способ состоит в том, чтобы доказать, что общество может быть понято не только посредством парсонсовской системы описаний AGIL и иных "культурных" абстракций, но и путем обращения к методологическому индивидуализму. П. Ван ден Берге считает основным недостатком преобладающей социальной теории реификацию групповых феноменов. Он пишет: "Многим, возможно, большинству, удается говорить об обществах, культурах, группах, организациях, социальных структурах, нормах, ценностях и тому подобных вещах без какого-либо существенного их соотнесения с индивидуальными акторам… Биологи, конечно, почти единодушно разделяют предположение, что индивидуальный организм или даже ген, а отнюдь не группа, являются главной единицей отбора. В биологии есть и сторонники группового отбора... но принципиальной стратегией является попытка объяснения эволюции на возможно более низком, а не на высоком уровне организации, и эта стратегия в подавляющем большинстве случаев оказывалась успешной. Возможно, человеческий род служит в этом отношении исключением, но, если бы это было так на самом деле, социологи с их ориентацией на групповой уровень анализа за столетие должны были бы сделать своего рода теоретический прорыв, подобный тому, который совершили биологи в области изучения индивидуального естественного отбора путем дифференцированного воспроизводства" [9, p. 36]. Ван ден Берге рассматривает феномен человеческой коллективности как сеть взаимоотношений, являющуюся результатом конкурирующих индивидуальных интересов: "В целях обобщенного описания удобно оперировать агрегированными данными и говорить о коллективах, как будто бы они были независимыми силами. Часто кажется, что большие бюрократические организации в индустриальных обществах обладают собственной квазиорганической жизнью, но при более пристальном рассмотрении обнаруживается сложное взаимодействие индивидуальных интересов; предполагаемые коллективные ценности, нормы и цели, как правило, суть выражение интересов нескольких индивидов, обладающих властью" [9, p. 51]. Редукционизм такого подхода очевиден: он предопределен самой природой биологического анализа, который соответствует микроуровню социальных взаимодействий. Очевидна и несостоятельность

элементарно-поведенческих экстраполяций на уровень социальных взаимоотношений. Ю.М. Плюснин замечает: "Всем ясно, что простые логические средства непригодны для выведения структуры взаимодействий между животными из индивидуального поведения. Однако и в этологии, и в пришедшей ей на смену социобиологии именно этот путь оказывается правилом, а не исключением.." [10, с. 90]. Недопустимость редукции социального анализа к индивидуально-поведенческому уровню (и уровню ближайших межгрупповых взаимоотношений) аксиоматична для социолога и биолога, но не для ортодоксального социобиолога. Предположение о том, что социальность — это то, что непосредственно окружает особь, не объясняет не только генезис и динамику человеческих сообществ, но и развитие биоценозов, где контакты отдельных особей не являются обязательным условием структурных взаимодействий.

Вторая стратегия биологической "интервенции" в сферу социального анализа более осторожна. Она заключается в методологической рефлексии по поводу объяснительных возможностей биологических интерпретаций. Именно этой стратегии придерживается Р. Хайнд, разграничивая уровни сложного социального целого: уровень интеракций (interactions), взаимоотношений (relationships), группы и социокультурной структуры и сосредоточивая внимание на "диалектических взаимоотношениях между последовательными слоями социального целого" [7, p. VII]. Хайнд стремится продемонстрировать, как работают биологические интерпретации социальных феноменов. Некоторые приводимые в книге примеры тривиальны: "первоначально влечение основывается главным образом на физических характеристиках, связанных со здоровьем или сексуальным потенциалом, при этом они более важны для мужчин, чем для женщин" [7, p. 127]. Другие обнаруживают неординарные интерпретации социального поведения. Так, механизм генетически обусловленного предпочтительного реагирования на определенные стимульные конфигурации объясняет модификации внешнего вида детских игрушек [7, p. 87]; в эволюционном контексте анализируется лицевая мимика, в частности, улыбка и смех [7, p. 89–93]. Сопоставимую трактовку феномену смеха дает А.Г. Козинцев [11].

Позиция Хайнда заключается в предположении, что социокультурная деятельность современного человека основана на базовых, эволюционно сформированных предрасположенностях, которые, пройдя через своего рода культурную "переплавку", видоизменились столь причудливым образом, что результаты этой "переплавки" имеют отдаленную связь со своими биологическими истоками. Именно в таком ключе Хайнд анализирует табу на инцест, всевозможные культурные стереотипы, связанные с гендерными различиями, иррациональные страхи, феномен самопожертвования. При этом он постоянно указывает, что данное предположение не имеет, а, скорее всего, и не может иметь эмпирических доказательств [7, p. 109]. Между тем, адаптивное значение культурных практик — одна из ключевых проблем этологии. "Можно ли рассматривать описания на уровне социокультурной структуры как биологически выгодные сами по себе и если да, то существуют ли какие-либо свидетельства, что естественный отбор

действует именно через них, влияя на предрасположенности индивидов. Имеется ли позитивный смысл в том, что общество иерархически организовано, что существуют ясные различия между допустимыми и недопустимыми действиями, что пища готовится так, а не иначе, что существуют культурно определенные преувеличенные представления о различиях между мужчинами и женщинами?" [7, p. 154–155]. Этот вопрос получает в книге Хайнда осторожное решение: "Некоторые культурные практики должны рассматриваться как последствия поведенческих предрасположенностей, адаптивных в одних контекстах, но сами по себе не имеющие влияния или имеющие негативное влияние на совокупную приспособленность" [7, p.155–156]. "Культурные различия зависят от поведенческих предрасположенностей, которые сами были сформированы на протяжении поколений путем естественного отбора, — пишет Хайнд, — но базовые предрасположенности иногда выражаются несоответствующим образом. Это означает, что мы не должны пытаться обнаружить адаптивное значение для любой вариации социокультурной структуры в любом обществе" [7, p.170]. В качестве наиболее сложного в этологической интерпретации человеческого поведения рассматривается случай, когда мотивирующие силы социокультурной структуры обусловливают поведение, нейтральное или неадаптивное с точки зрения совокупной приспособленности индивидов [там же]. Хайнд объясняет такое поведение изменением условий эволюционной адаптации. Здесь он, по всей вероятности, следует Н. Тинбергену, который считает, что человек изменяет окружающую среду со скоростью, превышающую скорость изменения среды эволюционной адаптивности [6].

В современной этологии человека обозначились следующие направления: этология детства, этология невербальных коммуникаций, этология сексуальных различий, кросс-культурная этология, этология психопатологий. Последнее направление получило особенно интенсивное развитие, возможно, благодаря своей ориентации на медицинскую проблематику. Предметом исследований здесь часто становится детский аутизм, самовредительство, жестокость в обращении с детьми, инцест, гомосексуализм. Специфическая для этологии человека область исследований связана с невербальной коммуникацией, в частности, лицевой мимикой. Этологами описано множество техник тела, в том числе элементов мимики и жестикуляции (наиболее известна из них изученная И. Эйбл-Эйбесфельдтом мимика приветствия, названная им "eyebrow flash"). Это находит выражение и в университетских учебных программах по этологической и социобиологической тематике. Например, в учебном курсе Л. Милей по этологии человека рассматриваются разнообразного рода сигналы, управляющие человеческими взаимодействиями (начиная от мимики, жестов, тембра голоса и заканчивая макияжем, ювелирными украшениями и парфюмерией) в различных сферах общественной жизни: политике, армии, религии, рекламе, моде, искусстве; в сексуальных и дружеских контактах; отношениях между родителями и детьми, людьми разного возраста и статуса, человеком и домашними животными [12]. Аналогичной семиотической трактовки этологических проблем придерживается Е.Н. Панов, который считает, что этология человека ориентирована прежде всего на изучение филогенеза, онтогенеза, культурной обусловленности и социальных функций экспрессивного поведения и невербальных коммуникаций [13]. В сферу анализа включается исторический [14]и искусствоведческий

материал [15] и даже брачные объявления [16]. Проблема заключается в логической и экспериментальной доказательности взаимосвязей культурных и биологических описаний. Дж. Хогенсон рассматривает миф и ритуал в качестве важнейших адаптационных механизмов, поддерживающих социальный гомеостазис и настаивает на том, что эти механизмы имеют под собой мощную биологическую основу: "Мифы могут быть поняты как элементы этологически адаптивного поведения. Этологическая модель подчеркивает инстинктивную природу мифа" [8, p. 305-306]. Данное предположение находит опору в юнговской трактовке архетипа, однако механизм подобного рода регуляции остается не проясненным. Архетип как глубинный образец культуры, даже если и принадлежит адаптивным регуляторам, несопоставим, скажем, с эволюционно выработанной окраской оперения. Поэтому интерпретация архетипа как генетически обусловленного адаптивного механизма не выходит за рамки метафоры. Здесь требуются не столько общие, сколько частные объясняющие модели, основанные на экспериментальном наблюдении социологических и "поведенческих" переменных.

По мнению Х. Харбаха, "новая поведенческая биология", объединяющая этологические и социобиологические подходы, способна продуцировать плодотворные частные теории о социальном поведении животных и человека [17, с. 38]. В литературе широко обсуждается одна из таких гипотез — предположение о дифференцированных родительских стратегиях (гипотеза Трайверса-Вилларда). Д. Фриз и Б. Пауэлл считают, что ее разработка стимулирует обновленный и эмпирически фокусированный диалог между социологами и социобиологами [18]. Гипотеза Трайверса-Вилларда основана на различении "инвестиционных" стратегий родительского поведения, зависящих от пола ребенка и социального статуса родителей: высокостатусные родители инвестируют "капитал" в сыновей, в то время как низкостатусные родители больше "вкладывают" в дочерей. Зависимость объясняется тем, что репродуктивный успех (категория, имеющая принципиальное значение для социобиолога) мужчин связан с их статусом. В полигиничных обществах это проявляется, например, в том, что высокостатусные мужчины обладают более высокими шансами завести несколько женщин (и, соответственно, иметь большее потомство), в то время как у низкостатусных мужчин может не быть ни одной жены и ни одного отпрыска. Для репродуктивного успеха женщины не характерна столь выраженная связь с ее социальным положением. Таким образом, можно предположить, что высокостатусные мужчины, по сравнению, например, с родными сестрами, произведут в среднем большее число потомков. В то же время женщины низкого статуса будут иметь больший репродуктивный успех, нежели их братья. Если допустить, что статус родителей коррелирует с социальным положением их детей, то высокостатусные родители, имеющие сыновей, в среднем будут иметь больше внуков, чем люди того же социального положения, воспитывающие дочерей. С другой стороны, родители низкого статуса будут иметь больше внуков в том случае, если их дети — дочери, а не сыновья. Эти тенденции фиксируются не только в традиционных культурах, но и в современных обществах, поскольку подобного рода эволюционно сложившиеся предрасположенности действуют, "формируя человеческие чувства, а не через осознание человеком их логики" [18]. Гипотеза Трайверса-Вилларда проверена на некоторых видах популяций (мышах, обезьянах и оленях). Д. Фриз и Б. Пауэлл

проверяли ее на базе двух общенациональных выборок американских подростков и их родителей. Величина выборки составила 21188 единиц. "Родительский вклад" измерялся пятью переменными, включающими экономическое, социальное, культурное и психологическое измерения. Статус семьи определялся показателями дохода и образовательного уровня родителей. Авторы не установили статистически значимых зависимостей между статусом семьи и предпочтительностью родительского вклада в сына или дочь. Причиной тому, считают Д. Фриз и Б. Пауэлл, является скорее всего нетипичность США как генерального объекта. По их мнению, эта страна отличается как от традиционных обществ, так и от большинства современных стран. Так или иначе, речь идет об "ослаблении взаимосвязи между статусом и репродуктивным успехом" [18]. Остается неясным, могут ли эволюционные механизмы, формировавшиеся на протяжении миллионов лет, так быстро измениться под воздействием институтов индустриальных обществ, или сама задача поиска эволюционных причин социального поведения современного человека является некорректной. Во всяком случае, установлено, что родительский вклад в воспитание детей достаточно надежно объясняется как материальным положением и образованием родителей, так и культурными нормами воспитания детей.

Социобиологические исследования являют собой явную группу риска, поскольку здесь широко представлен паранаучный компонент. Например, значительная часть изданного в серии "Философский андеграунд Урала" объемного тома Ю.И. Новоженова "Таинственное либидо: Социобиологический анализ человеческой сексуальности" [19] состоит из описаний техник полового акта. Такого рода тексты присутствуют в современной литературе; другое дело – постановка проблем, которые могут обсуждаться научным сообществом. В. Дольник рассматривает исключительно важную проблему агрессивности в современных обществах и считает ее имманентным, инстинктивно заданным индивидуальным свойством. Автор имеет все основания для рекомендации опасаться людей, которые всерьез играют в агрессивно-властные игры. Законы агрессивного поведения, по его мнению, "влияют не только на поведение каждого человека, включая политиков и военных, но и на поведение общества и государства. Когда государство попадает во власть инстинктов, созданных естественным отбором для стада наподобие павианьевого, и к тому же обзаводится атомным оружием, это очень опасно. А если таких государств окажется несколько, будущее мира может повиснуть на волоске" [20, с.74].

По всей вероятности, биологическая диагностика агрессивности — не менее опасное дело, чем сама агрессия. Проблема заключается в том, что социальные качества — не то же самое, что индивидуальные качества. Равным образом, невозможно предположить, что столь надындивидуальный феномен, как аномия локализован в определенном участке коры головного мозга, как это утверждается в одном из учебников по сенсорной физиологии для медицинских институтов. Никакие примеры, даже самые экзотические, не заменяют анализ логической и экспериментальной взаимосвязи между

биологическими и социальными качествами. Можно сравнить величину петушиных гребней с количеством звездочек на погонах и построить модель армейской структуры, но эта модель не будет иметь объяснительной силы. В этологической теории принято считать, что человеческое поведение контролируется социокультурной структурой, лишь опосредованно связанной с базовыми склонностями индивидов, где, возможно, действует естественный отбор [7, p. 171].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабков В.В.* Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г. Меллера И.В. Сталину // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. N 1. С. 76–94.
2. *Смит Р.* Человек между биологией и культурой // Человек. 2000. N 1.
3. *Neimark J.* Wilson is on top of the world // Psychology Today. V. 31. Issue 5. September-October, 1998.
4. *Smith P.K.* Ethology, sociobiology and developmental psychology: In memory of Niko Tinbergen and Konrad Lorenz // British Journal of Developmental Psychology. 1990. N 8.
5. *Tinbergen N.* Functional ethology and the human sciences (Groonian lecture) // Proceedings of the Royal Society of London. Series B. 1972. No 182.
6. *Freedman D.G.* Human sociobiology: A holistic approach. New York; London: Free Press, Collier Macmillan, 1979.
7. *Hinde R.A.* Individuals, relationships & culture: Links between ethology and the social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
8. *Hogenson G.B.* Elements of an ethological theory of political myth and ritual // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1987. September. No. 17.
9. *Berghe P.L.*, *van den* Bridging the paradigms: Biology and the social sciences // Sociobiology and human nature: An interdisciplinary critique and defense // Ed. by M.S. Gregory, A. Silvers, D. Sutch. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1978.
10. *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука, 1990.
11. *Козинцев А.Г.* Смех, плач, зевота: психология чувств или этология общения? // Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы. М.: Старый Сад, 1999.
12. Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы. М.: Старый Сад, 1999.
13. *Панов Е.Н.* Этология человека: история и перспективы // Поведение животных и человека: сходство и различия: Сборник научных трудов. Пущино, 1989.

14. *Dunbar R., Clark A., Hurst N.* Conflicts and cooperation among the Vikings: contingent behavioural decisions // Ethology and Sociobiology. 1995. V. 16.

15. *Sutterlin C.* Universals in Apotropaic symbolism: a Behavioral and Comparative Approach to Some Medieval Sculptures // Leonardo. 1989. Vol. 22. No. 1.

16. *Waynforth D., Dunbar R.* Conditional mate choice strategies in humans: evidence from lonely-heart advertisements // Behaviour. 1995. V. 132.

17. *Харбах Х.* Биологическая эволюция и альтруистическое поведение / Пер. с нем. В.В. Козловского // Социологический журнал. 1997. N 1/2.

18. *Freese J.*, *Powell B.* Sociobiology, status, and parental investment in sons and daughters: Testing the Trivers-Willard hypothesis // The American Journal of Sociology. V. 104. No. 6. May 1999.

19. *Новоженов Ю.И.* Таинственное либидо: Социобиологический анализ человеческой сексуальности. Екатеринбург: Банк культ. информации, 1999.

20. *Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа. 1993. N 1.